

—

Крупные старые деревья, сломанные грозой во время летних ливней, к осени и зиме уже почти полностью высохли.

Чжан Фаньюань, обладая огромной силой, с тяжелым дыханием обрубал ветви с бревен толщиной больше, чем его талия, собирал их и таскал к краю горного перевала, складывая в кучу, чтобы потом поколоть на дрова.

Он тщательно отбирал: прямые, ровные бревна обычно было жалко рубить на дрова для печи. Такая древесина могла пригодиться позже для строительства дома или хлева для скота, да и на лесопилке её бы приняли. В зависимости от качества и прочности дерева, можно было выручить от десяти до тридцати монет.

Хотя продажа найденной древесины и приносила доход, это была работа, зависящая от удачи и требующая огромных физических усилий. Жители деревни без такой крепкой комплекции, как у Чжан Фаньюаня, обычно не брались за это дело, ведь каждый год кто-то, таская брёвна на продажу, травмировал спину, вывихивал ногу или получал другие травмы.

Иногда, чтобы разнообразить рацион и купить цзинь мяса, молодые крепкие мужчины всё же несли пару стволов через деревню на лесопилку. Но если не было крайней нужды, никто не считал это занятием для пропитания.

За полчаса Чжан Фаньюань нашёл с десятков брёвен, из которых хорошими были только два, остальные — кривые и негодные для продажи. Он вытащил из корзины большой тесак и топор и прямо на месте принялся рубить плохие брёвна на мелкие части или раскалывать их.

Колоть дрова — тяжёлый труд, и даже если зимой специально одеться полегче, уже через четверть часа можно вымокнуть от пота. Вокруг ни души, и Чжан Фаньюань просто скинул рубашку, бросив её на ветку ближайшего дерева. В мыслях он строил планы: после того как зарежет ещё несколько голов скота, он обменяет деньги и купит пилу — слишком уж утомительно работать только топором и тесаком.

Он размышлял о более удобных инструментах, даже не подозревая, что его нынешние ножи и топоры уже вызывали зависть у других. Одним из таких был Сюй Хэ, который поднялся в горы по тропинке за хворостом, имея при себе лишь тупой серп с зазубренным лезвием.

Сюй Хэ двумя руками сжимал веревку, перекинутую через плечо. Веревка толщиной с большой палец была ещё терпима, когда корзина была пуста, но стоило её наполнить дровами и нести от гор до дома, как она каждый раз сдирала с его плеча кусок кожи.

Поэтому, поднимаясь в горы, он специально собирал мягкую внешнюю оболочку с пальм, и когда её накапливалось достаточно, забирал домой и сшивал в плечевую ленту шириной в половину ладони. Это значительно снижало давление тяжести.

Однако, как только он заменил старую ленту на своей привычной корзине на новую, мать забрала её себе. И ему снова пришлось пользоваться корзиной с тонкой лямкой, из-за чего он снова специально поднялся в горы, попутно собирая хворост.

Он задумчиво размышлял, удастся ли сегодня собрать больше пальмовой оболочки, как насторожил уши, услышав стук рубки дров — непрерывный, будто у того человека

неиссякаемый запас сил. Он невольно ускорил шаг.

Все любили таскать дрова на горную площадку, чтобы там либо рубить, либо грузить: во-первых, это ближе к дороге вниз, легче спускаться; во-вторых, здесь просторнее, можно следить за временем и погодой.

Сюй Хэ, неся на спине корзину, намного превышающую размеры его тела, упрямо, как улитка, с трудом взобрался на горную площадку. Ещё не успев перевести дух, он вдруг увидел высокого мужчину с обнажённым торсом, размахивающего топором.

Мужчина стоял у груды дров, будто неприступная скала, не поддающаяся порывам ветра. Его обнажённая спина и руки были цвета загорелой пшеницы, с оттенком бронзы. При напряжении на руках вздувались вены — явно сильный и решительный парень.

Неизвестно, сколько он уже был в горах, но у его ног наколотые дрова лежали уже приличной горкой.

Сюй Хэ вздохнул с облегчением и, запоздало отведя взгляд, в панике чуть не споткнулся о камень.

Чжан Фаньюань услышал позади шорох и, вытирая пот, оглянулся. Оказалось, это Сюй Лаояо*.

[*Лаояо (老幺, Lǎo yāo) – самый младший ребёнок в семье.]

Гер стоял боком, осторожно переступая, явно не желая производить шум и беспокоить человека, очень уж напоминая маленькую чёрную худую обезьянку. Хотя среди сверстников-геров в деревне он считался высоким, из-за чрезмерной худобы и хрупкости он выглядел менее солидно, чем те, что пониже.

Среди деревенских парней мало кто мог похвастаться хорошим достатком, поэтому многие были низкорослыми из-за плохого развития. И если гер оказывался слишком высоким, это не особо нравилось мужчинам в деревне.

Если рядом стоит кто-то почти твоего роста, не ощущается той хрупкости, которую хочется защищать, мало какой мужчина предпочтёт такой тип. Хотя в семьях обычно ценили геров с крупным телосложением — такие лучше справлялись с работой.

Чжан Фаньюань дружелюбно поздоровался: «Хэ гер».

Услышав это, маленькая чёрная худая обезьянка подняла голову. Сначала он продолжал идти, но, увидев лицо человека, затаил дыхание, не ответил ни слова и, засеменя, побежал вглубь гор.

Чжан Фаньюань смотрел на спину гера. Он слышал, что Сюй Лаояо не только внешне сильно отличается от своей сестры, но и характер у него несравним — странный и замкнутый. При встрече со старшими он лишь кивал, лишних слов не тратил, будто ему все должны.

Характер холодный и неприятный. Такой гер, не отличающийся красотой и не умеющий говорить сладкие речи, как же потом выйдет замуж? Наверняка останется в семье старым гером, платящим налог за поздний брак.

Он покачал головой, отвел взгляд и вдруг заметил висящую на ветке рубашку. По спине

пробежал холодок, и он внезапно осознал, что не одет. Смущённо почесав кончик носа, он понял: его доброжелательное приветствие земляка, наверное, было воспринято как издевательство.

Закончив рубить дрова, Чжан Фаньюань отнёс два неплохих бревна домой. На туда-обратно ушло два захода, и было уже за полдень. Он перекусил лепёшкой, запил водой и снова отправился в горы.

Теперь на горной площадке прибавилось веток и хвороста, а также маленьких веточек, которые он ранее срезал с больших стволов и счёл слишком мелкими. Всё это было сложено с другой стороны его поленницы. Нет сомнений, это хворост, собранный Сюй Хэ. Сейчас его нигде не было видно — наверное, снова пошёл за дровами.

Небо затянулось тучами, похоже, собирался дождь. Чжан Фаньюань решил проверить капканы и затем закончить работу. Независимо от того, попало ли что-то, охотничьи ловушки нужно было забрать с собой. Оставлять их на ночь в горах нельзя — в последнее время в горы поднималось много людей, и если ничего не поймать, это ещё полбеды, а вот потерять снаряжение было бы совсем обидно.

Сначала он набил наколотыми дровами большую корзину, но дров было много, и корзина всё равно не вмещала всё. Он подумал, что нужно срезать банановых листьев и укрыть оставшуюся кучу, иначе дождь промочит дрова, и будет неудобно спускаться с гор.

Взяв серп, он уже собирался идти за банановыми листьями, как вдруг увидел вдалеке Сюй Хэ, который нёс на спине пальмовую оболочку и в руках хворост. Тот смотрел на него, видимо, раздумывая, подойти поговорить или нет.

Чжан Фаньюань решил, что Сюй Лаояо, видя, что скоро пойдёт дождь, хочет попросить у него оставшиеся сухие дрова. Пожалев гера, он сказал: «Дождик начинается. Тебе ещё рубить дрова и нагружать корзину, а потом горная тропа размокнет, и спускаться будет трудно. Оставшихся после меня должно хватить тебе на полную корзину».

Сюй Хэ, видя, что мясник, будучи полностью одетым, казался немного мягче, чем ранее, удивился, что Чжан Фаньюань предлагает ему дрова. Но он не подошёл взять их, а продолжил с трудом рубить свой хворост тупым серпом, делая вид, что это его не касается: «Капканы у диких каштанов — это ты поставил?»

Чжан Фаньюань снова услышал тот хриплый голос, что слышал вчера в доме Сюй, и поднял бровь: «Ага. Что, попало что-то?»

Сюй Хэ продолжал рубить свои дрова, но сказал: «Я видел, там кто-то, кажется, пытается раскопать капкан».

Услышав это, Чжан Фаньюань замер, почувствовав неладное, схватил свой тесак и бросился вглубь гор.

Сюй Хэ, наблюдая, как тот несётся, словно ветер, нахмурился и лишь через некоторое время решил пойти посмотреть.

Ранее, собирая пальмовую оболочку, он зашёл глубже в горы и издали увидел мужчину, который разгребал ветки и листья, укрывавшие капкан.

Встретить в горах охотничьи ловушки было не в новинку, и он не собирался вмешиваться в

чужие дела. Но тот мужчина вёл себя крадущаяся: немного покопает, потом настороженно осмотрится по сторонам, будто вор. Ему показалось это подозрительным, но сам подойти и окликнуть того он не мог.

В глухой лесной чаще, если тебя ещё просто обругают в ответ — это ещё хорошо, а если нарвешься на беспринципного, неизвестно, что на уме у того. Осторожно отступив обратно к горной площадке и увидев, что Чжан Фаньюань вернулся, он колебался, стоит ли первым заговорить и спросить, его ли это капканы. С обычными мужчинами он и без дела не стремился разговаривать, не говоря уже о таком, как Чжан Фаньюань, с дурной репутацией.

Но именно в момент его колебаний Чжан Фаньюань заговорил первый, предлагая ему дрова, и он, проявив участие, решил вставить своё слово.

Чжан Фаньюань, с его длинными ногами, бежал быстро, но, приблизившись к своим капканам в глубине леса, замедлил шаг. И правда, какой-то ворюга, подняв зад, пытался палкой с рогаткой подцепить железную пластину с гвоздями внутри капкана. Лучше вовремя, чем рано.

С глухим стуком Чжан Фаньюань пнул вора ногой. Тот мгновенно рухнул на колени от неожиданного удара, уставился на высокого, крепкого мясника со свирепым выражением лица и, схватившись за ударенный живот, даже не посмел застонать: «Пощади, мясник Чжан, пощади!»

Чжан Фаньюань ненавидел таких нечистых на руку. Он наклонился, схватил невысокого полноватого мужчину за воротник и приподнял: «Знал, что это моё, и всё равно полез воровать у меня на глазах! Нет ничего подлее, чем такая дрянь, как ты! Я метки ставил не для того, чтобы тебе легче было воровать! Если охотники, обворованные такими, как ты, перестанут ставить метки, и деревенские, поднимаясь в горы, будут в них попадать — это всё на совести таких нечистых на руку, как ты! Руки-ноги целы, а делом правильным не занимаешься. Думаю, они тебе и не нужны».

С этими словами Чжан Фаньюань швырнул мужчину на землю, наступил на его запястье и занёс тесак над его рукой.

Только пронзительный вопль пронёсся по лесу, вспугнув стаю птиц.

«А-а-а, моя рука, моя рука!»

Чжан Фаньюань смотрел, как лежащий на земле мужчина обмочился, с ужасом взирая на тесак, остановившееся в нескольких миллиметрах от его руки, и рыдал от страха.

Сюй Хэ, прятавшийся поодаль, тоже замер от ужаса. Жестокость Чжан Фаньюаня напугала не только вора, но и его самого, пробежав холодным потом по спине. Все говорили, что мясники свирепы, раньше он думал, что это лишь из-за решительности при забое скота. Но, подумав, если столько скотины перебил, кто знает, не возьмётся ли он за человека, если разозлить.

Он не стал досматривать до конца, с дрожью в ногах вернулся на горную площадку.

«В следующий раз, если посмеешь заняться таким воровством, твоей руке уже не так повезёт», — с отвращением пнул вора Чжан Фаньюань. — «А теперь катись отсюда».

Мужчина не смел и вздохнуть, с опаской поднимаясь с земли, весь в холодном поту, он принялся кланяться Чжан Фаньюаню, вымаливая прощение: «Я... я больше не посмею, больше никогда в горы не пойду!»

Сказав это, он, боясь, что Чжан Фаньюань передумает и добавит ещё пару ударов, поспешил убраться подобру-поздорову.

Чжан Фаньюань плюнул. В последнее время охотники часто жаловались на пропажу добычи и снаряжения, все думали, что в глубинах гор завелся медведь-шатун, и некоторое время люди боялись лишней раз подниматься на охоту. Не думал, что это паскудник такой пакостил.

Он проверил свои охотничьи снасти, хорошо, что подоспел вовремя — ничего не пропало. Правда, даже тощей дикой курицы не попалось. Зимой охотников много — и профессиональных, и любителей, желающих разнообразить рацион. Добычи меньше, конкуренция больше, естественно, поймать что-то сложнее.

Чжан Фаньюань не расстроился, собрал свои вещи и пошёл обратно. Он увидел, что Сюй Хэ всё ещё рубит дрова на горной площадке. В гуще леса этого не замечалось, но на открытой площадке, где деревья редели, явственно чувствовалась морось.

Зимний дождь нетороплив, но холоден. Капли, затекающие за ворот, леденели, а ветер, усилившийся с дождём, был ещё холоднее.

Чёлка Сюй Хэ уже промокла и прилипла к лицу, а на голове выступила изморозь.

Услышав позади шум, он прервал свою работу и увидел, как Чжан Фаньюань, нахмурившись, посмотрел на него, словно слегка разгневанный, и вдруг большими шагами направился к нему.

Широкая фигура нагоняла холодный ветер и дождь. В момент замешательства Сюй Хэ мужчина протянул руку и забрал корзину, стоявшую у его ног.

—

<http://bllate.org/book/13886/1228006>